

О Н ВЫГЛЯДИТ старше своих лет. И вообще, когда в числе молодых актеров театра музыкальной комедии называют имя Иосифа Крапмана, возникает недоумение: «Какой же он молодой?» Парадокс в том, что его актерская биография кажется без начала, без традиционной поры ученичества. Начало как-то «потерялось», словно он сразу вышел на сцену таким уравновешенным, без юношеской робости дебютанта. Дело не только в «солидной» внешности, особенно когда он был «приусах»... Главное в том, что он сразу начал играть возрастные роли — список их уже довольно велик. И в этих ролях был так органичен, так соответствовал возрасту своих героев — всем поведением, неторопливостью, умудренностью опытом жизни, что даже и не возникало ощущения, будто играет их молодой актер.

Удивляла тогда и какая-то внутренняя зрелость, сосредоточенность мысли, стремление Крапмана к достоверности, логической мотивировке поведения персонажей, умение взглянуть на них как бы со стороны. Подчас казалось, что пришел актер из драмы, чуть замедленный, «тяжеловатый» в музыкальной комедии — этапный «свой» среди чужих, чужой среди своих».

Однако по сути он был человек оперетты. И не только потому, что это документально удостоверил институтский диплом. Надо было внимательно взглянуть в его лицо, особенно — в глаза, черные, блестящие, с задорными смешинками, хитро

лукавые, и это лукавство сохраняющие, как бы даже независимо от серьезного настроения физиономии в целом. В глазах Крапмана — всегда предощущение розыгрыша, ироническое любопытство, веселая пытливость и непереносимое обещание смеха. Уже первые работы артиста подтвердили его органическую причастность к жанру, подлинность существования именно в этом искусстве.

Неожиданным был его Зупан в «Марице» — помните, тот, что — «поедем в Варздин, где всех свиной господин»?.. А этот, у Крапмана, — словно стесняющийся своего традиционного «свинства», чуть грустноватый среди веселой путаницы действия, робкий, любящий. И говорил он не «дурным опереточным» голосом, а нормальным человеческим, и эту интонацию сумел сохранить и в знаменитых каскадных дуэтах.

Кстати, Крапман, насколько я заметил, и не претендует на дебют в Большом театре. Его вокальные возможности точно отмерены природой именно для тех ролей, что он играет, и здесь он естественно ощущает музыкальную специфику произведений, умеет правильно распорядиться своим голосом и достаточно свободно, тактично объединить в единое целое вокал и прозу.

Иосиф Крапман «пришел к двору» в свердловском театре потому, что обладает способностью создавать характеры, не замкнутые рамками амплуа. Характеры разные, но в них всегда есть

общее, роднящее их качество — человечность, в них есть — душа. Вот Шут в «Бременских музыкантах». Не лицо, а рисованная, застывшая, традиционная маска. Но за нею — человек, по-сказочному мудрый, умеющий в своих песенках, в интермедиях помочь юным зрителям увидеть и понять то доброе и справедливое, что заложено в этой веселой и лиричной сказке, а взрослым — помочь «вернуться в детство», к первоизначности чувств и понятию истин, которые остаются с нами на всю жизнь. Чуть печальный этот Шут у Крапмана, как будто знает больше, чем может сказать. Он — и в сказке, и за ее рамками, где-то тут, рядом с нами, сегодня...

Значительные успехи актера связаны с образами современников. Здесь сразу встает перед глазами его школьный учитель с необычной фамилией — Секрет из оперетты «Дарю тебе любовь». Крапману удалось создать характер типичский, реальный и обаятельный. Секрет не просто «хороший парень», это человек нравственно цельный, это личность, в основе которой — глубокая порядочность. Виталий Секрет современен по облику, по строю мыслей. Он сдержан и многословен, но есть слово, которым он особенно дорожит, — дружба. Он любит, но может пожертвовать любовью во имя счастья Леси. Чувства эти выражены в глазах актера. Крапман не боится крупного плана. Смотришь на его лицо, ви-

дишь, о чем думает, что чувствует, как решает свою судьбу Секрет.

В этом же спектакле Иосиф Крапман сыграл и другую роль — Шарыгина, фронтовика, человека молодого, и как-то очень зримо, убедительно подчеркнул связь поколений, верность высоким жизненным принципам, выдержавшим испытание огнем. Но тема эта наиболее впечатляюще прозвучала у Крапмана в роли адмирала Захаренко из спектакля «Пусть гитара играет». Актеры любят «морские оперетты» — так красивы мундиры, к лицу фуражки, эффектно нарукавное шитье, блестят погоны и кортики. У Крапмана все это адмиральское золото не замечается. Вы сразу чувствуете незаурядность этого человека, не просто седого, а именно — поседевшего в боях. Высокая нравственная мера отношения к людям, справедливость — вот черта Захаренко, которую акцентирует актер.

Его Захаренко пришел не из-за кулис — из жизни. В образе есть так называемый «шлейф роли». Мы представляем прошлое адмирала, видим его славный путь. Захаренко-Крапман с его умной, всепонимающей улыбкой правдив даже в самых условных ситуациях пьесы, таких, скажем, как эпизод «предсказания судьбы». Искренность, проникновенностью чувства отмечена сцена с Зюкой на месте приморской батареи, где зримо встает прошлое, фронтовая молодость, образ погибшей здесь любимой девушки...

Адмирал молчит, но паузы эти многозначны. Они, как может показаться, чужды жанру, его динамичному, веселому ритму и негласному девизу — «но только не молчи»...

Однако эти зоны молчания удаются Крапману, они отвечают его индивидуальности. За внешней суровостью, сдержанностью военного человека явственно опутимы взыскательная доброта, сердечность, масштаб личности адмирала Захаренко.

Еще две — опять возрастные роли — я снова непохожие. Непринужденно сыгранный Прокурор в «Капитанской дочке», с веселым изяществом перевоплощающийся по ходу следствия над Гриневым в губернатора-немца. И Горас Вандергельдер в «Хелло, Долли!» — преуспевающий, оборотистый лавочник, в котором развязность и самоуверенность денежного мешка не затмевают человеческих черт. Горас сдается на милость Долли в этой дуэли характеров. Крапман и тут органично стыкует холодный расчет бизнесмена и проглянувшее сквозь долларовую пелену нечто живое, отнюдь никого и ничего не идеализируя — обличение есть обличение.

Интеллигентность, артистизм, чувство меры свойственны дочерку Иосифа Крапмана. Многое ему удавалось, кажется, даже без особых усилий. Значит, надо ставить

перед ним все более сложные творческие задачи, заставлять больше тратить себя. Будем надеяться, что его добродушие и спокойствие никогда не перейдут в благодушие и самоуспокоенность.

Не будем ничего преувеличивать, употреблять превосходные степени, торопиться ставить его в один ряд с большими мастерами свердловской оперетты. И все же — прошедшие пять лет показали, что Иосиф Крапман — актер одаренный, своеобразный, современный. За ним всегда интересно на-

блюдовать. Быть может, впереди у него главная трагикомическая роль, или сыграет он ироничного, умного мечтателя, помогающего людям обрести счастье, возможно, будет и острая сатирическая роль, где он беспощадно посмеется над вредным и чуждым... Пожалуй, он все это сможет. Подождем...

Б. КОГАН.

НА СНИМКЕ В. Засыпкина: И. Крапман в роли Секрета.

